

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ-МУСУЛЬМАН В РОССИИ

В.Ю. Леденева^{1а}, Б.Т. Бегасилов^б

^аФедеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
Институт демографических исследований

^бУниверситет Нархоз

АННОТАЦИЯ:

В статье проанализирована роль религиозного фактора в вовлечении мигрантов в социокультурную, языковую и этнорелигиозную среду принимающего сообщества, влияние религиозных практик на процессы их интеграции в России. Проведен теоретический анализ транснациональных изменений миграционных процессов в условиях современной глобализации. Современные мигранты порождают новые социальные пространства, формируют и поддерживают многослойные отношения, создают новые модели поведения и транснациональные практики, включая религиозные, которые могут способствовать или, наоборот, препятствовать интеграции мигрантов в новое общество.

Цель статьи – показать, способствует ли религиозная активность транснациональных мигрантов-мусульман их адаптации и интеграции в принимающее общество или, наоборот, создает ситуации, при которых не только не происходит адаптация мигрантов, но, более того, формируется конфликтная среда. На основе вторичного анализа социологических исследований и проведенных авторами экспертных опросов выявлены факторы социокультурной адаптации мигрантов, уровень религиозной активности и связанные с этим риски проявления конфликтных ситуаций.

Результатом исследования является определение основных типовых групп мигрантов по степени их религиозности, а также вывод о том, что религиозность может являться сдерживающим фактором интеграции и зависит от степени религиозной активности мигрантов, поскольку в кругу «своих» (диаспоры или иные религиозные структуры) они не практикуют использование русского языка. Отмечается, что при отсутствии адекватной государственной миграционной политики религиозный фактор может стать причиной обособления мигрантов, формирования негативных стереотипов по отношению к ним со стороны местного населения.

Методологически статья основана на данных федеральных и региональных социологических исследований и экспертных опросов с представителями этнических и религиозных общественных организаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мигранты, религиозный фактор, миграционная политика, адаптация, интеграция, транснационализм, диаспоры.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Леденева В.Ю., Бегасилов Б.Т. (2021). Влияние религиозного фактора на процессы интеграции мигрантов-мусульман в России // Вопросы управления. № 1. С. 118–130.

Постановка проблемы

Современный подход к изучению миграции стал причиной появления совершенно новых исследований, которые поставили вопрос о концептуализации миграции через теории транснационализма. Иммигранты XXI века одновременно принадлежат двум общинам: своей исторически родной и новой, чуждой, – однако постепенно они включаются в повсе-

дневные институты страны, в которую они мигрировали. Таким образом, мигранты обеспечивают связь со странами своего происхождения и новой родиной через создание новых социальных практик и институтов.

Транснациональные пространства являются многослойными и многолокальными и включают в себя не только отправляющую и принимающую страны, но и другие части ми-

¹AuthorID РИНЦ: 366610, ORCID: 0000-0002-9478-2917, ScopusID: 57208709009

ра, которые связывают иммигрантов одной и той же нации или одной и той же религии.

В интенсивно развивающемся транснациональном сообществе актуализируется проблема религиозной идентичности, поскольку принадлежность человека к определенной социокультурной группе априори подчеркивает его принадлежность в религиозной общине. Для транснациональных мигрантов религиозный фактор в процессе интеграции в новое общество имеет жизненное значение, т. к. позволяет, с одной стороны, существенно не разрывать родственные, земляческие и религиозные связи со своей родиной, с другой – интегрироваться в определенную религиозную среду. Кроме того, транснациональные взаимосвязи являются для мигрантов ресурсом бесконфликтного проживания в местном сообществе, что при результативном государственном управлении влияет на качество жизни в обществе и снижает социальную напряженность.

Цель исследования – определить роль религиозной идентичности и религиозных практик в интеграции транснациональных мигрантов в российское общество. Для достижения цели поставлено несколько задач: первая состоит в выявлении особенностей религиозной активности или неактивности мигрантов, принятия ими определенных правил поведения. Вторая задача – выяснить, как религиозные особенности мигрантов и их соответствие религиозным обычаям влияют на формирование социальных сетей и интеграцию в принимающее сообщество. Статья основана на вторичных данных федеральных и региональных социологических исследований и экспертных опросов с представителями этнических и религиозных общественных организаций.

Теоретическая основа исследования

Теоретическим основанием исследования выступает теория транснационализма и миграционных сетей. Концепции транснационализма рассматривают миграцию через понимание сущности трансмигрантов, которые живут своей жизнью в транснациональном социальном пространстве и развивают новые структурированные идентичности как для страны происхождения, так и для страны назначения [1, с. 456]. Транснационализм был

определен Линдой Баш и др. как «процессы, которые связывают происхождение мигрантов и общества, в которых они обосновались, формируют и поддерживают многослойные социальные отношения» [2, с. 24]. Транснационализм и религиозная идентичность объединены общей природой [3, с. 988]. Лучшее всего это отражает изменяющийся опыт современных мигрантов: с одной стороны, мигранты сохраняют индивидуальную и коллективную идентичность и основывают свои транснациональные сети на восприятии, что идентичность является общей и обычно связана с культурными и языковыми качествами места происхождения, с другой – создают новую идентичность с иными, не близкими по культуре и религии людьми, но в одном социальном мире [4, с. 227]. Как мигранты идентифицируют себя с той или иной социальной группой? Что позволяет мигрантам интегрироваться в принимающее сообщество или, наоборот, присоединиться к диаспоральным сетям [5, с. 172]?

В теории социальных сетей миграционные сети определяются как «межличностные связи, которые соединяют мигрантов, бывших мигрантов и немигрантов в стране исхода и назначения отношениями родства, дружбы и общего места происхождения. Мигранты неизбежно связаны с немигрантами, и последние опираются на обязательства, вытекающие из родственных и дружеских отношений, для получения доступа к работе и другим формам помощи» [6, с. 448].

Вопросы, связанные с религией и религиозной идентичностью мигрантов, рассматривались российскими учеными [7, с. 6]. Религиозная идентичность представляет объединение тех, кто признает особую систему ценностей, традиций, ритуалов, подразумеваемая сверхэмпирическую действительность [8, с. 17] Религиозная идентичность включает несколько компонентов: когнитивный, этико-аксиологический/ценностный, эмоциональный/аффективный, экзистенциально-психологический и поведенческий [9, с. 79]. Однако эти работы не были сфокусированы на религиозных институтах, таких как общины мигрантов, диаспоры, мечети, региональное лидерство, Духовное Управление мусульман. В исследованиях не изучались транснациональ-

ные исламские сети и мусульманские общины, которые подвергаются диверсификации в условиях конфликтности двух поколений мигрантов: старшего и более молодого. Ни в одном из исследований не освещена роль культурной и религиозной транснациональности современных мигрантов, в то время как успешные транснациональные стратегии включают в себя пересекающиеся культурные, социальные и религиозные навыки адаптации к различным социально-пространственным условиям.

Адаптация и интеграция мигрантов в социум стала жизненно важной задачей, решение которой требует новых управленческих подходов. Потенциалом сглаживания социальных различий и сближения людей разного происхождения наделён интеграционный вариант мейнстриминга – стратегии, предполагающей осуществление инклюзивных инициатив в рамках общей политики принимающих государств, адресуемой всем их жителям, включая мигрантов [10, с. 153]. Пристальное внимание к проблемам адаптации и интеграции мигрантов со стороны отечественных исследователей объясняется тем, что в понятийном аппарате не существует единого понимания этих терминов. Это связано, с первую очередь, со специфическими особенностями межкультурного взаимодействия разных групп мигрантов в России.

Адаптация и обустройство мигрантов на новом месте рассматривается как двойственный процесс приживаемости мигрантов к новым социальным экономическим и биологическим условиям жизни [11, с. 6]. Адаптация мигрантов – процесс приспособления мигрантов к условиям пребывания/проживания на территории вселения, в ходе которого мигранты стремятся освоиться в новой для них обстановке. Интеграция мигрантов – это процесс встраивания мигрантов в систему политических, социально-экономических, информационно-правовых и иных связей и отношений граждан страны приема, осуществляемый в рамках миграционного законодательства и административных процедур получения гражданства страны приема [12, с. 13]. Адаптация – необходимое, но недостаточное условие интеграции [13, с. 444]. В то же время

интеграцию изучают как процесс встречного движения принимающего социума и мигрантов [14, с. 219].

Адаптацию мигрантов необходимо применять исключительно к категориям возвратных мигрантов (трудовые мигранты, беженцы и др.) на стадии их временного пребывания в стране [15, с. 220], интеграцию – только к категориям безвозвратных мигрантов (добровольные переселенцы, беженцы и др.) [16, с. 2172].

Любой социальный процесс имеет и обратную сторону, тем более если речь идет о поликультурных и полирелигиозных обществах. Не все группы мигрантов готовы адаптироваться и интегрироваться в принимающее сообщество, некоторые либо не в состоянии принять нормы поведения и ценности нового общества, либо сознательно игнорируют любые попытки принимающего общества помочь им адаптироваться. Нарушение адаптационных процессов, отчуждение от внешней среды мы рассматриваем как дезадаптацию. Дезадаптация является отклонением от адаптационных процессов и отчуждением от принимающего сообщества. В результате чего мигранты чаще испытывают депрессию и беспокойство, что приводит к размышлениям о смысле жизни. Именно в этот момент усиливается религиозная активность мигрантов, а религиозные практики помогают им преодолеть проблемы, вызванные миграцией.

В России проводится немного исследований о влиянии религиозного фактора на адаптацию/дезадаптацию мигрантов-мусульман [17, с. 82]. В целом, вопросы адаптации достаточно подробно освещены российскими учеными. Однако они касаются, в основном, трех видов адаптации: экономической (жилищное обустройство мигранта, наличие работы), социокультурной (знание русского языка, традиций и культуры России) и правовой (легализация и стабильность правового статуса) [18, с. 108].

В рамках исследования остановимся на оценке роли диаспоры в формировании религиозной идентичности мигрантов. Основной чертой диаспоры является связь с родиной: коллективная память о родине, ее местонахождение, история и достижения, сильное этническое сознание, которое основано на

чувстве дискриминации и проблемных отношений с принимающими сообществами [19, с. 513]. Диаспорический иммигрант не просто идентифицируется как член этнической группы, он сильно привязан к этой общине [20]. В стране назначения важна роль диаспоральных организационных связей, которые выступают основной движущей силой механизма миграции и становятся источником ресурсов (финансовых, информационных, административных) [21, с.116].

Сегодня новые диаспоры превращаются в новый тип транснациональных сообществ [22, с. 294], а пространство диаспоры становится транснациональным пространственным типом [23, с. 490].

Методы и данные

В сентябре 2020 года был проведен опрос членов экспертного совета Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН)². Эксперты отметили значительную роль диаспор в повседневной жизни мигрантов в России. В последние годы качественно изменилась работа диаспор, в том числе: усиление их ответственности за поведение своих соотечественников, прибывших из-за рубежа; активность в области адаптации и интеграции; ответственность за освоение мигрантами русского языка на курсах, организованных диаспорой; участие диаспор в мероприятиях по противодействию нелегальной миграции.

В то же время, по результатам социологического мониторинга, ежегодно проводимого ВЦИОМ, россияне продолжают испытывать неприязнь к мигрантам-мусульманам.

В ноябре 2019 г. по заказу ФАДН ВЦИОМ провел общероссийский опрос о состоянии межнациональных отношений в России. Отдельным блоком рассматривалось отношение россиян к религии, вере и к мигрантам³.

В целом, неприязнь к представителям других религий/религиозных течений испытывают лишь 7,8 % россиян. Среди православных доля людей с религиозными предубеждениями

составляет 9,2 %, среди мусульман – 1,6 %, среди представителей других конфессий – 7,2 %. В качестве объектов неприязни чаще всего упоминаются «исламисты» и «мусульмане». Однако отмечено, в сравнении с православными мусульмане проявляют более открытые, толерантные установки в отношении людей других национальностей.

89 % россиян не испытывают негатива к представителям иных религий/религиозных течений, что говорит о высоком уровне религиозной толерантности в России.

В то же время россияне отметили интенсивность религиозной активности мигрантов. Действия мигрантов не провоцируют конфликтность в межнациональных и межрелигиозных отношениях, но, по мнению большинства опрошенных, необходим контроль, позволяющий предупредить ее возможную радикализацию.

Масштабы присутствия мигрантов особенно настораживают наименее обеспеченные круги населения – тех, кто может реально конкурировать с мигрантами на рынке и кто, скорее, проигрывает, чем выигрывает от их присутствия. Исследования показывают, что вовлечение мигрантов в религиозные практики отражается на их трудовой деятельности [24, с. 121]. Успешные на рынке труда мигранты предпочитают «своих» по принципу родства и религии. В то же время исследования обнаруживают связь религиозной активности мигрантов и нелегального бизнеса, построенного на родственных и религиозных связях.

Чем больше мигрантов, тем более критически оценивают ситуацию респонденты в области межнациональных конфликтов и чаще допускают вероятность серьезных конфликтов на межнациональной почве, что становится препятствием для интеграции мигрантов в локальные социумы. Уже многие годы мигрантофобии направлены, в первую очередь, на мигрантов из среднеазиатских государств. Согласно опросу ВЦИОМ, в ответах на вопрос, въезд в Россию представителей каких стран

²Всего опрошено 49 чел. в 20 регионах Российской Федерации.

³Объем – 2000 человек. Репрезентативная выборка национального масштаба основана на данных статистики (переписи населения) и состоит из 200 кластеров (единиц выборки). Выборка является многоступенчатой, стратифицированной и случайной с элементом целенаправленного отбора. Выборка репрезентирует не только население в целом, но и основные национальные группы, представленные в отобранных кластерах и Российской Федерации в целом.

является нежелательным, на первых двух местах – представители Таджикистана и Узбекистана, на третьем – Украины, на четвертом – США, на пятом – Китая; выходцы из Киргизии – на девятом месте.

Местное население в большинстве своем воспринимает мигрантов как носителей чуждой культуры, источник распространения преступлений, причину потери рабочих мест и снижения оплаты труда, угрозу распространения инфекционных заболеваний. В свою очередь и мигранты, видя негативное отношение к себе со стороны основной массы местного населения, ведут себя порой дерзко по отношению к нему, попирают местные традиции, культуру и законы страны приема. Таким образом, отсутствие у иммигрантов глубоких социальных корней на новом месте жительства, труднопреодолимые культурные и социально-экономические барьеры между ними и местным населением вынуждают мигрантов объединяться, чтобы коллективно решать общие проблемы.

Пандемия 2020 г. внесла серьезные коррективы в регулирование миграционных потоков. После принятия ограничительных мер и закрытия границ в марте 2020 г., численность внешних мигрантов в Российской Федерации сократилась более чем в два раза. Предстоит еще проанализировать официальные данные о динамике миграционных потоков в период карантина, поэтому обратимся к цифрам отчетного периода 2019 года.

По данным Главного управления по вопросам миграции МВД (ГУВМ МВД)⁴ в 2019 году на миграционный учет было поставлено 19 518 304 чел., что на 9 % больше, чем в 2018 году. В миграционных картах цель въезда «Работа» указали 5 478 249 чел. Если сравнить данные ГУВМ МВД о выдаче разрешительных документов на работу в 2019 году, мы получим следующие цифры:

- оформлено разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства, всего – 126 879;
- оформлено патентов иностранным гражданам и лицам без гражданства, всего – 1 767 254 чел.

Таким образом, если сложить эти цифры, официальные документы на работу получило 1 894 133 человек, всего лишь 34 % от общего количества мигрантов, заявивших цель въезда «Работа», тогда как 3 584 116 человек (66 %), скорее всего, официально не оформляли разрешительные документы на работу и осуществляют трудовую деятельность на территории Российской Федерации незаконно. Это очень важный момент для нашего исследования, т. к. вопрос легализации мигрантов – это первоначальный и обязательный этап их пребывания в России, от которого зависит как будет складываться трудовая деятельность мигранта, какие у него будут возможности и какую стратегию он выберет для бесконфликтного пребывания в принимающем сообществе адаптационную или дезадаптационную.

Из основных мусульманских стран СНГ: Киргизии, Таджикистана и Узбекистана – было поставлено на миграционный учет 8 550 162 чел., что составляет примерно 43 % от общего количества въехавших мигрантов. Из них цель въезда «Работа» указали 3 740 427 чел. К сожалению, статистические данные на официальных порталах не позволяют отследить количество легально трудоустроенных мигрантов из стран Центральной Азии, мы можем только констатировать общую тенденцию трудоустройства мигрантов, значительное количество которых пребывает и работает на территории Российской Федерации нелегально, вне правовых практик. По заявлениям официальных представителей ГУВМ МВД, нелегальных мигрантов в России около 3 миллионов чел.

Как правило, вновь прибывшие трудовые мигранты из стран Средней Азии не имеют опыта жизни в инокультурной среде, что приводит к росту социальной и межнациональной напряженности. Среди основных проблем, этому способствующих, следующие:

- мигранты отрываются от привычного социального окружения и оказываются в иной этнокультурной и языковой среде;
- у иностранцев отсутствует мотивация к адаптации в условиях развитой сети этнических диаспор с высоким уровнем социальной автономии;

⁴Официальные данные ГУВМ МВД // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19365693/>.

– создаются формы пространственной сегрегации и анклавизации в результате выбора мигрантами стратегии совместного расселения для сохранения традиционной религиозной модели поведения;

– правовой нигилизм иностранных граждан и присутствие в их среде нелегальных мигрантов создает благоприятную среду для формирования теневой экономики и коррупционных проявлений;

– члены семей мигрантов (чаще дети) испытывают проблемы, способствующие их дезадаптации, а для второго поколения, изначально оторванного от родины, данные проблемы проявляются значительно острее.

По мнению экспертов ФАДН, особую обеспокоенность вызывают территории, в которых «анклавно» проживают представители Средней Азии и Закавказья, а сами территории постепенно превращаются в очаги распространения несвойственных этим народам форм ислама. Отмечается рост числа представителей нетрадиционного ислама, ориентированных на другие мусульманские ценности, чем представители традиционного ислама. Это ведет к разрыву семейных связей, к локальным столкновениям на религиозной почве. Религиозно активные мигранты стремятся отстаивать правоту своей религии и религиозный образ жизни в стране приема.

В таком контексте чаще всего негативное отношение местного населения проявляется к представителям таких национальностей, как киргизы, таджики, узбеки, в меньшей степени – казахи, азербайджанцы и армяне. Негативное восприятие мигрантов превалирует и, скорее всего, это связано с «накопительным эффектом», вследствие которого возможны социальная напряженность и межэтнические конфликты. В данной ситуации отчуждение мигрантов от принимающего сообщества является гораздо более частым сценарием, чем адаптация или интеграция.

В целях выявления религиозных практик и анализа эффективности механизмов социальной адаптации мигрантов-мусульман Уральским государственным горным университетом в марте – апреле 2018 года был проведен

социологический опрос мигрантов из стран Центральной Азии и Азербайджана⁵. Не затрагивая социальные характеристики респондентов, обратимся к выводам авторов исследования, касающихся религиозных практик мигрантов. По результатам исследования, больше 79 % опрошенных считают себя верующими, но либо соблюдают не все обряды (44 %), либо не соблюдают их вовсе (35 %) [25, с. 168]. 24 % опрошенных мигрантов строго соблюдают пятикратное совершение намаза, около 30 % заявили, что совершают намаз не постоянно, 43 % вообще не совершают ежедневный намаз. Только 5 % опрошенных посещают мечети чаще чем один раз в неделю, 17 % посещают мечети только во время пятничного намаза. Однако нельзя делать вывод, что остальные мигранты не проводят религиозные обряды. Они совершают намаз дома или на рабочем месте. 37 % опрошенных ответили, что посещают мечеть только во время крупных праздников, и 38 % вообще не посещают или делают это очень редко. К официальным имамам мечетей обращаются 28 % мигрантов. Почти 90 % опрошенных трудовых мигрантов ответили, что не употребляют в пищу свинину. 66 % считают обязательным ношение хиджаба для мусульманок (против – чуть более 30 %).

Таким образом, авторы исследования констатируют, что ислам является важной частью жизни мигрантов, 100 % опрошенных считают себя верующими и признают значимость религиозных традиций. От 20 до 30 % опрошенных стараются придерживаться религиозных обрядов, предписываемых исламом. Их количество увеличивается примерно в два раза во время месяца Рамадан. Даже не полностью придерживаясь религиозных обрядов, большинство по религиозным соображениям не употребляет алкоголь, хотели бы совершить хадж, поддерживает ношение хиджаба женщинами, празднование Маулида ан-Наби и др. традиций. В то же время от 10 до 20 % мигрантов выбирают светский образ жизни, который является характерным для принимающего общества (не соблюдают религиозных обрядов, употребляют алкоголь и свинину), но при этом не порывают с исламской традицией.

⁵Опрос проведен в марте – апреле 2018 г. в г. Екатеринбурге методом квотной случайной выборки. Общее количество опрошенных составило 200 человек.

Взаимоотношения мигрантов-мусульман и их российских единоверцев

Избежать проблем мигрантам-мусульманам в период первичной адаптации могут помочь российские мусульмане, которые подскажут, как лучше подготовиться к проживанию в российских реалиях. Тема взаимоотношений мигрантов-мусульман и их российских единоверцев поддерживается во многом за счет активных действий коренных мусульман, помогающих приезжающим в страну мигрантам-единоверцам адаптироваться к российским условиям.

Как же российские мусульмане относятся к своим единоверцам из бывших советских республик? Прежде всего нужно сказать, что наши соотечественники исламской веры не едины и могут сильно отличаться друг от друга. В состав уммы входят люди различных национальностей, и живут они в абсолютно разных регионах, отличающихся экономическим благополучием. К тому же в стране сложилась сложная система религиозной власти. Наряду с двумя конкурирующими организациями – старым Центральным духовным управлением мусульман и новым Советом муфтиев – которые примерно равны по влиянию, имеются также много локальных духовных управлений и лидеров, в основном, на Северном Кавказе.

Российские мусульмане живут у себя дома, и у них нет другой родины. Многовековые религиозные традиции сформировали в России мультикультурное общество. Однако российские мусульмане с некоторым предубеждением относятся к внешним мигрантам-мусульманам, что связано, скорее всего, с низкооплачиваемой работой мигрантов. В целом, это обычная ситуация, когда местные жители независимо от религиозной принадлежности выражают негативное отношение к приезжим рабочим.

В отличие от православных россиян мусульманероссияне: татары, башкиры и жители кавказских республик – имеют возможность встретиться с мигрантами на проповедях в мусульманских мечетях. В последние годы из-за наплыва мигрантов многие имамы испытывают обеспокоенность: если раньше мечетей в Москве было достаточно, то теперь они заняты, в основном, приезжими, и

исламскому духовенству приходится подстраиваться под новых верующих. Это не приводит к особым конфликтам, но является причиной для скрытого недовольства тем фактом, что старые привычки уходят в прошлое. Наблюдения показывают, что жители кавказских республик относятся к людям из Средней Азии более доброжелательно, чем уроженцы-мусульмане с Урала или Поволжья. Татары и башкиры считают себя европейцами, в то время как кавказцы не отрицают, что они люди восточные и потому ближе воспринимают азиатские обычаи, особенно в том, что касается веры и бытового общения. Они не склонны проводить параллели «свой – чужой» и считают мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии своими единоверцами.

Свое отношение к нуждам мигрантов из Центральной Азии проявило руководство российских мусульман в период закрытия границ. Так, во время первой волны коронавируса, когда приезжие лишились источников пропитания, но не могли уехать, отечественные мусульманские общины оказывали всестороннюю помощь, обеспечивали продуктами, тем самым выполняя свой долг по отношению к единоверцам. Общность с единоверцами — один из основных показателей религиозной идентичности.

Сетевые сообщества и типология групп мигрантов

Ввиду отсутствия у этнических общин в России развитой инфраструктуры для «своих» основным механизмом адаптации выступают родственные, клановые и национальные связи, то есть сетевые группы. Участие мигрантов в социальных сетях и сетевых сообществах происходит, когда они стоят перед выбором и делают этот выбор в пользу этнического сообщества, а не принимающего общества. Абразивное отношение со стороны принимающего общества является основной причиной сильной солидарности внутри групп мигрантов, что приводит к сплоченным сообществам мигрантов. Этот сценарий отчуждения довольно распространен. Только 8 % всех мигрантов из Центральной Азии окружены русскими на рабочем месте, почти 60 % работают в среде мигрантов и около 30 % работают в смешанной среде. Небольшое чис-

ло рабочих-мигрантов достаточно интегрированы, имеют русских друзей, доступ к медицинским и другим услугам, посещают местные культурные мероприятия. Эти тенденции меняются в последнее десятилетие очень медленно [26, с. 165].

Религиозные верования и обычаи могут служить стабилизаторами для иммигрантов, чтобы приспособиться к своему новому дому. На раннем этапе мигранты ищут жилье и работу, школьное образование для детей, способы изучения языка принимающей страны и места для общения через родственные и дружественные связи. Мечети и другие религиозные учреждения могут оказывать неоценимую помощь в решении практических вопросов новичков.

Анализ отечественных социологических исследований, собственные исследования авторов статьи и опыт взаимодействия с общественными религиозными организациями, позволяет утверждать, что существует как минимум три категории мигрантов, которые характеризуются разным отношением к религии в целом и к исламу в частности. В ходе региональных встреч по проблемам адаптации и интеграции трудовых мигрантов авторами было опрошено 56 представителей этнических общественных и религиозных организаций, диаспор, а также женщин и мужчин из числа трудовых мигрантов в России. Частота религиозных практик и знание религиозных правил явились основой для классификации групп. Различные типы религиозной идентичности в каждой группе предоставляют разные ресурсы и разные ограничения на интеграцию.

Первая наиболее адаптивная группа мало интересуется религиозными вопросами и безразлична к религиозным верованиям. Эти мигранты не следуют исламским правилам и традициям, за исключением похорон. В эту группу могут входить мигранты разных национальностей, но наблюдения показывают, что киргизов в ней больше, чем таджиков и узбеков.

Опыт работы с киргизскими общественными организациями показал, что среди киргизов достаточно много образованных и культурно воспитанных мигрантов, особенно женщин. Нерелигиозные мигранты обычно приезжают из большого города, и многие из них

имеют высшее образование. У себя на родине они, как правило, занимали должности, соответствующие среднему статусу, например, учителя в школе. Приезжая в Россию, они прилагают все усилия для интеграции в российское общество. Они говорят на хорошем русском языке и легко общаются. Они стараются соблюдать законодательство и мотивированы на скорейшую адаптацию своей семьи, что проявляется в огромном желании выучить русский язык, особенно это важно для детей. Одна из киргизок объяснила это так: «Я не хочу, чтобы мой ребенок отставал в школе по программе, и не хочу, чтобы над ним смеялись дети, если он будет плохо говорить по-русски». Ислам не играет никакой важной роли в расширении их сетей общения и взаимной поддержки.

Следующая группа мигрантов имеет некоторую приверженность к исламским традициям, например, отмечают большие праздники и время от времени ходят в мечеть (в основном в праздничные дни). Их социальное происхождение очень разнообразно, но большинство из них приезжают из больших и малых городов и имеют высшее образование и (или) профессиональный опыт работы. Люди этой группы могут быть далее разделены между теми, кто стал более религиозным в результате миграции в Россию, и теми, кто стал менее религиозным. Однако, если в этой группе мигранты испытывают отчуждение, тоску по прежней жизни, лишения из-за потери прежнего социального окружения, они могут испытывать депрессию и, в конечном итоге, обратиться к Богу. Религия помогает им преодолеть проблемы, вызванные миграцией, а ислам служит моральной поддержкой, уменьшая бремя их отчуждения. Они могут полностью дезадаптироваться в российском обществе и интегрироваться в мусульманское общество, что повышает их религиозность.

И, наконец, третья группа, в которую входят мусульманские сильно религиозные мигранты. Они соблюдают все религиозные традиции, постятся, отмечают все мусульманские праздники и часто ходят в мечети. Эти мигранты были религиозными до того, как они переехали в Россию – обычно из небольших городов и деревень. Их социальное происхож-

дение менее разнообразно: большинство из сельской местности и имеют низкий уровень образования. Они создают небольшие комнаты для молитвы несколько раз в день. Как правило, эти мигранты образуют сообщества или сети, в которых их совместные усилия часто успешно решают различные проблемы, возникающие в результате миграции. Эти сообщества позволяют формировать новые религиозные практики, объединяющие те, которые происходят из родных стран, и те, которые происходят в результате адаптации к особенностям России. Религия объединяет как новых мусульман-мигрантов, так и тех, кто уже достаточно долго находится в России.

Мы можем утверждать, что исламское общество создает необходимые границы деятельности для мигрантов и позволяет им ориентироваться в окружающей реальности. Эквивалентом хорошей репутации человека является соблюдение им норм исламской этики и практики преданного служения, такие как ежедневная молитва.

Миграция рабочей силы является благоприятной почвой для развития транснациональных религиозных сетей. Мигранты создают краткосрочные социальные связи и часто работают в неформальном сегменте рынка труда, поэтому они испытывают острое отсутствие доверия. В свою очередь, религиозные сети решают проблемы трудоустройства и жизнеобеспечения мигрантов, а исламская этика воздействует на развитие мигрантских религиозных сетей.

Рост мигрантских сетей, замкнутых этнических сообществ, поддерживающих и воспроизводящих определенную социально-культурную среду, происходит во всех федеральных округах, но особенно интенсивно в Центральном Федеральном округе (Тульская, Калужская области).

К сожалению, государство пока не справляется с решением задач по адаптации и интеграции мигрантов-мусульман в России. Отсутствует нормативно-правовая база регулирования этой сферы, поэтому основную ответственность в этом направлении несут мусульманские организации и религиозные общины

мусульман, которые организуют собственную альтернативную религиозную инфраструктуру. В Духовном собрании мусульман России (ДСМР) отмечали, что именно в сфере трудовой миграции сфокусированы наиболее серьезные проблемы и вызовы общественно-политического и социально-экономического характера. В связи с этим в июле 2020 года ДСМР запустил межрегиональный проект «Центр правовой защиты и культурной адаптации мигрантов», к которому подключились уже 24 региона России, открывших в рамках проекта горячие линии. По словам эксперта, мигрантам помогают и советом на расстоянии, и на местах – в приходах и мечетях⁶.

Не хватает информационно-консультационных центров поддержки мигрантов. Альтернативой центрам выступает религиозная инфраструктура, которую создают сами мигранты – «параллельные миры», где мигранты решают свои насущные проблемы, развлекаются, лечатся, учатся и молятся.

Религиозная община мигрантов-мусульман не является основной в силу интенсивности изменения миграционных потоков, но, безусловно, ислам и религиозная идентичность являются одними из основных факторов для самооценки мигранта и понимания своего положения в стране пребывания.

Заключение

Анализ религиозных практик мигрантов-мусульман из стран Средней Азии в Россию позволили выявить основные причины их слабкой интеграции в российское общество, чем, например, культурно близких нам мигрантов из Украины или Молдовы.

Раскрыта роль религиозного фактора в жизни мигрантов из Центральной Азии в России. Религия является важным контекстом формирования солидарности между мигрантами разных национальностей и стран. Посещение мечети может служить ресурсом для интеграции мигрантов через социальные сети. Религия также выполняет психологические функции, повышая способность противостоять отчуждению, формируя чувство принадлежности к тесному сообществу и помо-

⁶Мусульмане в России должны помогать работать с мигрантами // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20201219/migranty-1590052950.html>.

гая выживать в российской среде. Одна из основных причин закрытости мусульманских мигрантских сообществ связана с политикой правительства. Без социокультурного, языкового и правового образования или программ интеграции невозможно достичь гармоничного развития общества. Образование также оказывает важное влияние на процесс интеграции. Более образованные люди всегда лучше понимают другие культуры, и их адаптация к различиям проходит быстрее.

Концептуальными остаются вопросы формирования модели управления миграционными процессами, направленной на решение проблем интеграции мигрантов как фактора современной этнической мобильности, а также реализация эффективных практик противодействия формированию этнических анклавов. Авторитетное слово священников и мусульманских духовных лидеров, побуждающих

к миру и согласию, способно стать существенным стимулятором межэтнического согласия.

Главный вывод исследования заключается в особом значении религиозного фактора в жизни трудовых мигрантов. Растущая напряженность среди мигрантов из-за несправедливого обращения на рабочем месте, слабой интеграции и нетерпимости российских граждан может стать источником консолидации мигрантов на общем фоне. Этот фон может быть религиозным, но использовать его можно в политических целях. Это необходимо учитывать при формировании и реализации государственной миграционной политики. Полученные результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти при разработке программ и мероприятий, направленных на социокультурную адаптацию мигрантов и их интеграцию в российское общество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Glick-Schiller N. (2005). Transnational social fields and imperialism: Bringing a theory of power to transnational studies, *Anthropological Theory*, vol. 5, no. 4, pp. 439–461.
- Basch L., Glick Schiller N., Szanton-Blanc C. (1994). *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States*. Langhorne, PA: Gordon and Breach, 329 p.
- Vertovec S. (2004). Migrant transnationalism and modes of transformation, *International Migration Review*, vol. 38, no. 3, pp. 970–1001. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00226.x.
- Heisler M.O. (2001). Now and then, here and there: Migration and the transformation of identities, borders, and orders, In: Albert M., Jacobson D. & Lapid Y. (eds.). *Identities, Borders, Orders*. Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 225–248.
- Bradatan C., Popan A., Melton R. (2010). Transnationality as a fluid social identity, *Social Identities*, vol. 16, no. 2, pp. 169–178.
- Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. (1993). Theories of international migration: A review and appraisal, *Population and development review*, vol. 19, no. 3, pp. 431–466.
- Yusupova G. (2013) The Influence of Islam on Social Networks of Low-Skilled Migrants from Central Asia to Russia. MPC Analytical and Synthetic Note 2013/01, 7 p.
- Мчедлов М.П. (2008). Общие вопросы религиозной идентичности. К постановке проблемы, условия ее объективного анализа // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М. : Институт социологии РАН. С. 13–33. ISBN 978-5-89697-154-2.
- Вавилова Е.Ю., Хандулова Е.Н. (2018). Религиозная идентичность: современные подходы // *Инновационная наука*. № 7-8. С. 78–81.
- Ивахнюк И.А. (2020). Интеграция иммиграционных обществ: обновление подходов // *Вестник Российской академии наук*. № 2. С. 148–159.
- Ионцев В.А. (2018). Вопросы теории и практики адаптации и интеграции мигрантов на Евразийском пространстве // *Теория и методология исследования миграционный процессов*. С. 5–10.
- Леденева В.Ю., Кононов Л.А. (2021). Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России : Монография. М. : РУДН. 296 с. : ил.
- Мукомель В.И. (2016). Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к

оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся. М. : Новый хронограф. Вып. 14. С. 411–467.

14. Мухаметшина Н.С. (2019). Модель социальной интеграции, адаптации и аккультурации трудовых мигрантов в современном мире // Самарский научный вестник. № 4. С. 218–221.

15. Юдина Т.Н. (2004). Социология миграции: к формированию нового научного направления : Монография. М. : Дашков и Ко. 333 с.

16. Kononov L.A., Ledeneva V.Yu. (2019). Development of theoretical provisions on the adaptation and integration of migrants, *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, vol. 12, no. 12, pp. 2170–2181. DOI: 10.17516/1997-1370-0413.

17. Солодова Г.С. (2010). Мигранты-мусульмане – установки и практики в контексте российского общества // Вестник НГУ. Серия: Философия. Т. 8. Вып. 3. С. 77–83.

18. Рязанцев С.В. (2018). Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. № 1. С. 105–111.

19. Cohen R. (1996) Diasporas and the nation-state: From victims to challengers, *International Affairs*, vol. 72, no. 3, pp. 507–520.

20. Özkul D. (2012). Transnational migration Research, *Sociopedia.isa*, January, 2012. DOI: 10.1177/2056846012111.

21. Антошук И.А., Леденева В.Ю. (2019). Из России в Великобританию: о механизмах ми-

грации молодых ученых в области компьютерных наук // Социологические исследования. № 2. С. 108–118. DOI: 10.31857/S013216250004015-9.

22. Guarnizo L.E. (1997). The emergence of a transnational social formation and the mirage of return migration among Dominican transmigrants, *Identities*, vol. 4, no. 2, pp. 281–322.

23. Dahlman C. (2004). Diaspora. In: Duncan J., Johnson N. & Schein R. (eds.). *A Companion to Cultural Geography*. Oxford: Blackwell, pp. 485–498.

24. Кириллова А.И. (2016). Вовлеченность в религиозные практики как фактор интеграции мигрантов // Социологические исследования. № 2. С. 119–128.

25. Старостин А.Н., Холикова Ш.А. (2018). Религиозные практики мигрантов из Центральной Азии и Азербайджана в Свердловской области (по материалам социологического исследования) // VII Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Челябинск : Челябинский государственный университет. С. 160–178.

26. Олимов М.А., Олимова С.К. (2019). Трансформация идентичности в миграции: этничность и религия (на примере таджикской трудовой миграции в России) // Вестник Томского государственного университета. История. № 59. С. 158–167.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Леденева Виктория Юрьевна – доктор социологических наук, доцент; Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1); vy.ledeneva@yandex.ru.

Бегасилов Бакытжан Тастыбаевич – Университет Нархоз (050035, Казахстан, Алматы, ул. Жандосова, 55); bakytzhan.begassilov@narхоз.kz.

INFLUENCE OF RELIGIOUS FACTOR ON THE INTEGRATION OF MUSLIM MIGRANTS IN RUSSIA

V.Yu. Ledeneva^{7a}, B.T. Begassilov^b

^aFederal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Institute for Demographic Research

^bNarxoz University

ABSTRACT:

The article analyzes the role of the religious factor in the involvement of migrants in the socio-cultural, linguistic and ethno-religious environment of the host community and the influence of religious practices on their integration into the Russian society. A theoretical analysis of transnational changes in migration processes in the context of modern globalization is carried out. Modern migrants create new social environment, form and maintain multi-layered relationships, create new patterns of behavior and transnational practices, including religious ones, which can facilitate or, conversely, hinder their integration into a new society.

The purpose of the article is to find out if religious activity of transnational Muslim migrants helps their adaptation to and integration into the host society, or, on the contrary, it creates situations in which not only the adaptation of migrants becomes impossible, but there appears a conflict. On the basis of a secondary analysis of sociological research and expert polls conducted by the authors, the factors of sociocultural adaptation of migrants, the level of religious activity and the associated risks of manifestation of conflict situations have been revealed.

The result of the study is identification of the main typical groups of migrants according to the degree of their religiosity, as well as the conclusion that religiosity is a constraining factor in integration: religious migrants adapt to society with the help of the diaspora or religious groups, but they practically do not integrate into society, since they do not speak the Russian language and do not know Russian culture and traditions. It is noted that in the absence of an adequate state migration policy, the religious factor can become the reason for the isolation of migrants and formation of negative stereotypes about them on the part of the local population.

Methodologically, the article is based on the data from federal and regional sociological and expert polls with representatives of ethnic and religious public organizations.

KEYWORDS: migrants, religious factor, migration policy, adaptation, integration, transnationalism, diaspora.

FOR CITATION: Ledeneva V.Yu., Begassilov B.T. (2021). Influence of religious factor on the integration of Muslim migrants in Russia, *Management Issues*, no. 1, pp. 118–130.

REFERENCES

1. Glick-Schiller N. (2005). Transnational social fields and imperialism: Bringing a theory of power to transnational studies, *Anthropological Theory*, vol. 5, no. 4, pp. 439–461.
2. Basch L., Glick Schiller N., Szanton-Blanc C. (1994). *Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States*. Langhorne, PA: Gordon and Breach, 329 p.
3. Vertovec S. (2004). Migrant transnationalism and modes of transformation, *International Migration Review*, vol. 38, no. 3, pp. 970–1001. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2004.tb00226.x.
4. Heisler M.O. (2001). Now and then, here and there: Migration and the transformation of identities, borders, and orders, In: Albert M., Jacobson D. & Lapid Y. (eds.). *Identities, Borders, Orders*. Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 225–248.
5. Bradatan C., Popan A., Melton R. (2010).

⁷RSCI AuthorID: 366610, ORCID: 0000-0002-9478-2917, ScopusID: 57208709009

Transnationality as a fluid social identity, *Social Identities*, vol. 16, no. 2, pp. 169–178.

6. Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. (1993). Theories of international migration: A review and appraisal, *Population and development review*, vol. 19, no. 3, pp. 431–466.

7. Yusupova G. (2013) The Influence of Islam on Social Networks of Low-Skilled Migrants from Central Asia to Russia. MPC Analytical and Synthetic Note 2013/01, 7 p.

8. Mchedlov M.P. (2008). General questions of religious identity. To the formulation of the problem, the conditions for its objective analysis. In: Mchedlov M.P. (ed.). Religion in the self-consciousness of the people (the religious factor in identification processes). Moscow: Institute of Sociology RAS, pp. 13–33. ISBN 978-5-89697-154-2.

9. Vavilova E.Yu., Khandulova E.N. (2018). Religious Identity: Modern Approaches, *Innovative Science*, no. 7-8, pp. 78–81.

10. Ivakhnyuk I.A. (2020). Integration of immigration societies: updating approaches, *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, no. 2, pp. 148–159.

11. Iontsev V.A. (2018). Issues of theory and practice of adaptation and integration of migrants in the Eurasian space, *Theory and methodology of the study of migration processes*, pp. 5–10.

12. Ledeneva V.Yu., Kononov L.A. (2021). State and municipal regulation of the adaptation and integration processes of migrants in modern Russia. Moscow: RUDN, 296 p.

13. Mukomel V.I. (2016). Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to assessing performance and the role of the host society, *Reforming Russia*, no. 14, pp. 411–467.

14. Mukhametshina N.S. (2019). Model of social integration, adaptation and acculturation of labor migrants in the modern world, *Samara Scientific Bulletin*, no. 4, pp. 218–221.

15. Yudina T.N. (2004). Sociology of Migration: Towards the Formation of a New Scientific Direction. Moscow: Dashkov and Co, 333 p.

16. Kononov L.A., Ledeneva V.Yu. (2019). Development of theoretical provisions on the adaptation

and integration of migrants, *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci.*, vol. 12, no. 12, pp. 2170–2181. DOI: 10.17516/1997-1370-0413.

17. Solodova G.S. (2010). Muslim migrants – attitudes and practices in the context of Russian society, *Herald of NSU. Series: Philosophy*, vol. 8, no. 3, pp. 77–83.

18. Ryazantsev S.V. (2018). Integration of migrants in the context of Russia's foreign migration policy, *Sociological studies*, no. 1, pp. 105–111.

19. Cohen R. (1996) Diasporas and the nation-state: From victims to challengers, *International Affairs*, vol. 72, no. 3, pp. 507–520.

20. Özkul D. (2012). Transnational migration Research, *Sociopedia.isa*, January, 2012. DOI: 10.1177/2056846012111.

21. Antoshchuk I.A., Ledeneva V.Yu. (2019). From Russia to Great Britain: on the mechanisms of migration of young scientists in the field of computer science, *Sociological studies*, no. 2, pp. 108–118. DOI: 10.31857/S013216250004015-9.

22. Guarnizo L.E. (1997). The emergence of a transnational social formation and the mirage of return migration among Dominican transmigrants, *Identities*, vol. 4, no. 2, pp. 281–322.

23. Dahlman C. (2004). Diaspora. In: Duncan J., Johnson N. & Schein R. (eds.). A Companion to Cultural Geography. Oxford: Blackwell, pp. 485–498.

24. Kirillova A.I. (2016). Involvement in religious practices as a factor in the integration of migrants, *Sociological studies*, no. 2, pp. 119–128.

25. Starostin A.N., Kholikova Sh.A. (2018). Religious practices of migrants from Central Asia and Azerbaijan in the Sverdlovsk region (based on sociological research). In: Proceedings of the Russian scientific-practical conference (with international participation) “VII Rasulev readings: Islam in the history and modern life of Russia”. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, pp. 160–178.

26. Olimov M.A., Olimova S.K. (2019). Identity transformation in migration: ethnicity and religion (on the example of Tajik labor migration in Russia), *Bulletin of the Tomsk State University. History*, no. 59, pp. 158–167.

AUTHORS' INFORMATION:

Viktoriya Yu. Ledeneva – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia); vy.ledeneva@yandex.ru.

Bakytzhan T. Begassilov – Narxoz University (55, Zhandosova St., Almaty, 050035, Kazakhstan); bakytzhan.begassilov@narxoz.kz.